

неразрешимое противоречие — взаимоотношение теорий самозарождения и заимствования. Сложные проблемы влияний и самозарождений, по-видимому, останутся темными.

Пытаясь определить один из возможных исходных пунктов классификации древнерусских жанров, мы сосредоточимся на функции темпоральных глагольных форм в некоторых древнерусских жанрах, т. е. на функции времени как конституирующем факторе жанра.⁵ При этом мы не ставим себе целью дать характеристику отдельных жанров во всем диахроническом диапазоне (такая характеристика была бы не только слишком общей и бедной, но также не цельной и не систематической), а ограничимся некоторыми примерами из литературы XVII в., когда во многих жанрах происходили важные структуральные изменения.

Жанровая система древнерусской литературы пережила в XVII в. кризис, тесно связанный с разложением структуры церковнославянского языка в данное время. В. В. Виноградов писал по этому поводу: «Изменения в структуре церковно-книжной речи были связаны с ростом литературного значения светских — деловых, публицистических, повествовательных — стилей русского письменного языка и с расширением литературных прав бытовой речи».⁶ Изменения, происшедшие в обеих литературах, были бесспорно проявлением таких более глубоких сдвигов в социальной и культурной сферах XVII в., как демократизация общества, эмансипация личности и т. д. Однако взаимная связь языковых и жанровых изменений была настолько значительной и обнаженной, что нам представляется возможным и выгодным показать движение жанровой структуры через посредство языковой структуры. Таким образом, мы стремимся постичь самое языковую сущность жанра.

В Беседе первой протопопа Аввакума, которая называется «Повесть о страдвших в России за древлецерковная благочестная предания», имеется предложение: «Со мною 60 человек у всенощнова взял, муча и бив и проклиная, в тюрьме держал, малии в живых обретошася» (125).⁷ Здесь видны характерные для стиля Аввакума черты — частое использование причастий и чередование глагольных форм прошедшего сложного и аориста (или же имперфекта). С грамматической и стилистической точек зрения в данном предложении нет ничего необыкновенного, что не отмечалось бы в науке уже раньше.⁸ Языковедение выделяет главным образом два фактора, способствовавших замене аориста формой прошедшего сложного: а) фактор исторический — постепенное стирание первоначальной семантической разницы между прошедшим сложным и аористом; б) фактор информации — стремление различить 2-е и 3-е л. ед. ч., которые не различались в аористе. Вот почему в древнерусских памятниках прошедшее сложное чаще всего встречалось во 2-м л. ед. ч., затем в 3-м л. ед. ч., в то время как в остальных лицах оно употреблялось редко. Например, Максим Грек заменил в Псалтыри формы «видяше», «течаше» формами прошедшего сложного «видел еси», «текл еси».

⁵ Вопросам времени и его функции в литературе посвящены работы: Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, стр. 212—353; E. Staiger. Die Zeit als Einbildungskraft des Dichters. Zürich, 1953; Käthe Hamburger. Die Logik der Dichtung. Stuttgart, 1957; H. Weinrich. Tempus. Besprochene und erzählte Welt. Stuttgart, 1964.

⁶ В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, стр. 5.

⁷ Здесь и далее цитирую по изданию: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960.

⁸ В. В. Виноградов объясняет это как результат сплетения «двух форм стиля», т. е. сказа и проповеди (О задачах стилистики. — В сб.: Русская речь, вып. 1, Пгр. 1923, стр. 215).